

И ЦВЕТЫ-ПАМЯТЬ

Семен ГЕЙЧЕНКО

да, природа подносит нашему взору букеты голубых, красных, розовых цветов с золотыми серединками. В них есть что-то крикливое. Они не позволяют нам пройти мимо. У каждого человека они вызывают в душе что-то свое.

Стихотворение «Цветок засохший, безуханный» было написано Пушкиным осенью. Это пора прощания с живыми цветами, которые не подвластны ни снегу, ни морозу, ибо они вошли в книгу гербарий, альбом, чтобы пробуждать в человеке мечты и сладкие раздумья о былом в тихие зимние вечера у камелька.

Цветы Михайловского впитали в себя голубизну здешнего неба, Сороти, зелень его лесов, деревьев и трав и все цвета небесной радуги, осенявшей эту землю испокон веков. Так было при Пушкине, так оно и сейчас.

В послепушкинское время в Михайловском и его округе появилось немало новых цветов. Их стали выращивать люди для украшения садов и парков. Появились цветы, названные именем «Пушкин», «Руслан», «Людмила», «Онегин». Цветоводы выращивали цветы к юбилейным пушкинским датам. В 1908 году в Михайловское приехал из Петербурга знаменитый ученый-ботаник Д. Д. Кайгородов, который привез с собой и посадил в саду цветок «Пушкина зейлло-идес» — маленькое луковичное растение. В августе 1963 года, изучая растения Михайловского, ученый-селекционер, доктор биологических наук П. Ф. Медведев нашел у аллеи Керн неизвестную науке ежу сборную, которая была им названа «Пушкинская». В 1949 году в Михайловское приехали ботаники из Таллина и привезли в подарок сорт шиповника, названный ими «Онегин». Они посадили его на бровке у только что восстановленного дома поэта.

В своих стихах Пушкин не только упоминал цветы, но старался раскрыть их мир. Цветы смиряли души его тревогу, укрепляли в нем дух волшебника.

Случалось ли вам бродить в Михайловском в сентябре по осеннему парку и усадьбе, когда отлетают буры, золотые, багряные листья, когда все словно ржавеет и наливаются плоды шиповника, и, словно последний подарок уходящего го-

да, природа подносит нашему взору букеты голубых, красных, розовых цветов с золотыми серединками. В них есть что-то крикливое. Они не позволяют нам пройти мимо. У каждого человека они вызывают в душе что-то свое.

Стихотворение «Цветок засохший, безуханный» было написано Пушкиным осенью. Это пора прощания с живыми цветами, которые не подвластны ни снегу, ни морозу, ибо они вошли в книгу гербарий, альбом, чтобы пробуждать в человеке мечты и сладкие раздумья о былом в тихие зимние вечера у камелька.

Цветы Михайловского впитали в себя голубизну здешнего неба, Сороти, зелень его лесов, деревьев и трав и все цвета небесной радуги, осенявшей эту землю испокон веков. Так было при Пушкине, так оно и сейчас.

В послепушкинское время в Михайловском и его округе появилось немало новых цветов. Их стали выращивать люди для украшения садов и парков. Появились цветы, названные именем «Пушкин», «Руслан», «Людмила», «Онегин». Цветоводы выращивали цветы к юбилейным пушкинским датам. В 1908 году в Михайловское приехал из Петербурга знаменитый ученый-ботаник Д. Д. Кайгородов, который привез с собой и посадил в саду цветок «Пушкина зейлло-идес» — маленькое луковичное растение. В августе 1963 года, изучая растения Михайловского, ученый-селекционер, доктор биологических наук П. Ф. Медведев нашел у аллеи Керн неизвестную науке ежу сборную, которая была им названа «Пушкинская». В 1949 году в Михайловское приехали ботаники из Таллина и привезли в подарок сорт шиповника, названный ими «Онегин». Они посадили его на бровке у только что восстановленного дома поэта.

Сегодня он находится в литературном музее Пушкина в словацком селе Бродзяны, неподалеку от города Партизанска.

Присмотрев цветы в сегодняшних полях, мне удалось найти все цветы, находящиеся в гербарии 1841 года.

МИХАЙЛОВСКОЕ, Псковская обл.

Когда Пушкин прибыл в Михайловское, первыми встретили его цветы! Они ведь в Михайловском всюду — в лесах, полях, парках, садах. И всюду они разные, разные во всякое время года. Зимой дома, на подоконниках, они ведь не просто цветы, но и цветочные часы, цветочный градусник, барограф, санитар и лекарь. Один «Ванька-мокрый» чего стоит. О, как он пышно цветет, как любит ласковые слова, тишину, уединение. Но вот приходит весна, и вся земля покрывается цветами, как ковром, — земля становится голубой, как небо, как платье невесты, розовой, как золотой солнечный луч, — это цветут подснежник, перелесок, фиалка, петуния. А вот и лето — с его розами, шиповником. Какое разнообразие повсюду! Это только на древней михайловской земле растет такой шиповник — густой, сплошь в бутонах, как люстра в горящих свечах в древнем храме. Его выростил пятьсот лет тому назад какой-то местный «Мичурин». Никто не пройдет мимо такого пышного благоухающего куста, чтобы не полюбоваться, не насладиться его запахом. А местная «клен-малина» — цветок, который совсем недавно был зарегистрирован ботаником В. Миняевым в цветочном словаре СССР. Он густой, широколиственный. На каждом соцветии десятки бутонов. Они зацветают в конце мая и цветут до сентября. В их гуще живут здешние дрозды и другая разная пичуга.

В поэтическом словаре Пушкина часто звучат «цветочные слова»: роза, резеда, ландыш, акация, анис, лилия, мак, шиповник, амарант, василек, ревень, хмель, гвоздика, боярышник, чебрец, незабудки...

Среди цветов были и есть очень древние, такие, например, как багульник. Цветы привозили, сеяли и сажали из многих мест, в разные годы, разные люди. Сажал прадед Пушкина Ибрагим Ганибал, привозивший их из Петербурга и Прибалтики, сажали дед и бабушка поэта, родители Пушкина, друзья из Тригорского. Летом в Михайловском был цветочный рай. Но вот приходила осень, а с нею и «цветы последние», воспетые Пушкиным.

Случалось ли вам бродить в Михайловском в сентябре по осеннему парку и усадьбе, когда отлетают буры, золотые, багряные листья, когда все словно ржавеет и наливаются плоды шиповника, и, словно последний подарок уходящего го-

да, природа подносит нашему взору букеты голубых, красных, розовых цветов с золотыми серединками. В них есть что-то крикливое. Они не позволяют нам пройти мимо. У каждого человека они вызывают в душе что-то свое.

Стихотворение «Цветок засохший, безуханный» было написано Пушкиным осенью. Это пора прощания с живыми цветами, которые не подвластны ни снегу, ни морозу, ибо они вошли в книгу гербарий, альбом, чтобы пробуждать в человеке мечты и сладкие раздумья о былом в тихие зимние вечера у камелька.

Цветы Михайловского впитали в себя голубизну здешнего неба, Сороти, зелень его лесов, деревьев и трав и все цвета небесной радуги, осенявшей эту землю испокон веков. Так было при Пушкине, так оно и сейчас.

В послепушкинское время в Михайловском и его округе появилось немало новых цветов. Их стали выращивать люди для украшения садов и парков. Появились цветы, названные именем «Пушкин», «Руслан», «Людмила», «Онегин». Цветоводы выращивали цветы к юбилейным пушкинским датам. В 1908 году в Михайловское приехал из Петербурга знаменитый ученый-ботаник Д. Д. Кайгородов, который привез с собой и посадил в саду цветок «Пушкина зейлло-идес» — маленькое луковичное растение. В августе 1963 года, изучая растения Михайловского, ученый-селекционер, доктор биологических наук П. Ф. Медведев нашел у аллеи Керн неизвестную науке ежу сборную, которая была им названа «Пушкинская». В 1949 году в Михайловское приехали ботаники из Таллина и привезли в подарок сорт шиповника, названный ими «Онегин». Они посадили его на бровке у только что восстановленного дома поэта.

Сегодня он находится в литературном музее Пушкина в словацком селе Бродзяны, неподалеку от города Партизанска.

Присмотрев цветы в сегодняшних полях, мне удалось найти все цветы, находящиеся в гербарии 1841 года.

МИХАЙЛОВСКОЕ—МОСКВА.
Фото В. Ахломова.

научно-музейного центра. Все гости Пушкинского праздника примут участие в этой закладке. Правительство выделило деньги. Сразу же начнутся строительные работы...

В его возрасте надо торопиться, каждый прожитый день, как он говорит сам, идет за год... Может, еще и потому он не жалеет себя. К Пушкинскому празднику готов и другой подарок — водяная мельница в Бугрове. Ее когда-то видел Пушкин и воспел в «Русалке». Семен Степанович давно мечтал вернуть этот силуэт в окрестности Бугрова. Исследовал местность, определил фундаменты мельницы и дома мельника, устроил заправку. И уже несколько лет блещит водной гладью разлившееся озеро, куда с шумом прилетают стаи диких уток, живут целое лето, выводят птенцов, растят их и, довольные охранной жизнью, улетают в дальние края...

Но самой мельницы не было. И как не раз бывало в его жизни, добрые люди,

сейчас за письма. Ежедневно он получает их десятки, и самые разные, с вопросами, порой сердитыми... Он энергично, тут же напишет гневный ответ. Опять спросит: «Не обидел?!» Так у него пройдет в писаниях еще два часа...

И настанет время открывать музей... Момент этот он редко пропускает. Ему всегда интересно заглянуть в дом поэта раньше паломника, шумнуть, если что не так поставили, забыли о его вчерашних просьбах...

Теперь, когда он стал знаменит, узнаваем в лицо, современные неробкие паломники обязательно остановят его по дороге к музею, засыплют вопросами, выстроятся группой сфотографироваться на память... Все это он делает с удовольствием, с радостью, с той человеческой открытостью и искренностью, что невольно начинаешь понимать, где истоки его жизнелюбия... Именно с этим чувством почти сорок лет он строит пушкинский заповедник на псковской земле.

Теперь, когда программа по переустройству заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

Так вот саму идею о центре надо было сначала сделать общественно-понятной, приемлемой. Потом испросить на нее необходимые средства, хотя бы для начала на проект и привязку его. Все это отняло у Семена Степановича целое десятилетие.

И вот 2 июня будет у него, может быть, один из самых радостных дней — закладка памятного камня на месте будущего

заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

Так вот саму идею о центре надо было сначала сделать общественно-понятной, приемлемой. Потом испросить на нее необходимые средства, хотя бы для начала на проект и привязку его. Все это отняло у Семена Степановича целое десятилетие.

И вот 2 июня будет у него, может быть, один из самых радостных дней — закладка памятного камня на месте будущего

заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

Так вот саму идею о центре надо было сначала сделать общественно-понятной, приемлемой. Потом испросить на нее необходимые средства, хотя бы для начала на проект и привязку его. Все это отняло у Семена Степановича целое десятилетие.

И вот 2 июня будет у него, может быть, один из самых радостных дней — закладка памятного камня на месте будущего

заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

маге. Вот в один из таких утренних часов написана и новелла «Гербарий Михайловского»...

Потрудившись, он ставит самовар. И где-то часов в семь идет кормить уток и выпускать на волю своего друга петуха-крикуна. Он просыпается вместе с хоззяином и не дает мне спать, оглашая своим неистовым воплем еще пустующую округу... Однажды я попытался выпустить и петуха, и уток раньше прихода их благодетеля, за что получил выволочку. Ока-

маге. Вот в один из таких утренних часов написана и новелла «Гербарий Михайловского»...

Потрудившись, он ставит самовар. И где-то часов в семь идет кормить уток и выпускать на волю своего друга петуха-крикуна. Он просыпается вместе с хоззяином и не дает мне спать, оглашая своим неистовым воплем еще пустующую округу... Однажды я попытался выпустить и петуха, и уток раньше прихода их благодетеля, за что получил выволочку. Ока-

маге. Вот в один из таких утренних часов написана и новелла «Гербарий Михайловского»...

Потрудившись, он ставит самовар. И где-то часов в семь идет кормить уток и выпускать на волю своего друга петуха-крикуна. Он просыпается вместе с хоззяином и не дает мне спать, оглашая своим неистовым воплем еще пустующую округу... Однажды я попытался выпустить и петуха, и уток раньше прихода их благодетеля, за что получил выволочку. Ока-

маге. Вот в один из таких утренних часов написана и новелла «Гербарий Михайловского»...

Потрудившись, он ставит самовар. И где-то часов в семь идет кормить уток и выпускать на волю своего друга петуха-крикуна. Он просыпается вместе с хоззяином и не дает мне спать, оглашая своим неистовым воплем еще пустующую округу... Однажды я попытался выпустить и петуха, и уток раньше прихода их благодетеля, за что получил выволочку. Ока-

маге. Вот в один из таких утренних часов написана и новелла «Гербарий Михайловского»...

Потрудившись, он ставит самовар. И где-то часов в семь идет кормить уток и выпускать на волю своего друга петуха-крикуна. Он просыпается вместе с хоззяином и не дает мне спать, оглашая своим неистовым воплем еще пустующую округу... Однажды я попытался выпустить и петуха, и уток раньше прихода их благодетеля, за что получил выволочку. Ока-

6 июня исполняется 185 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Торжества в Михайловском откроются 2 июня. Нынешний праздник совпадает еще с двумя замечательными для нашей памяти днями. Впервые день рождения Пушкина праздновали в Михайловском всенародно 60 лет назад. Освободили Михайловское и Пушкинские Горы от фашистов сорок лет назад. Тогда же и пришел работать сюда Семен Степанович Гейченко, старинный друг и глубоко почитаемый нами автор «Недели». В эти дни дом Пушкина неумоимо с волнением готовится к приему гостей. Публикуем рассказ писателя Арсения Ларионова, недавно побывавшего там, о буднях Михайловского и очередную новеллу Семена Гейченко.

Цветение весны — когда с треском раздвигаются клейкие лепестки на деревьях, когда звонкое многоголосье не умолкает и на час, когда легкая прохлада ночи еще в удовольствии, в радость после бурного дневного солнца, когда предвечерняя гладь разливаемой воды по всей михайловско-петровско-тригорской округе держит в себе ясным опрокинувшееся небо, — эти дни в Михайловском мое самое любимое время.

Покой, душевное умиротворение, сколько здесь можно увидеть, услышать, сколько открыть и понять сердцем и умом... Прекрасная пора... Напряженная, чарующая жизнь природы захватывает, возбуждает, оживляет застывшую, уставшую от городских забот душу.

Врачевание души, может, и есть самое необходимое в эти долгие весенние дни, когда природа на твоих глазах обретает силу, мощь, необыкновенную красоту, притом не утратив тихого, милого обаяния, столь свойственного нашей северной природе. А еще, если падают эти дни на дни проживания в Михайловском, в добром, неиссякаемо щедром доме Семена Степановича Гейченко, то обновленная душа, обретшая плоть и дух, щемяще живет этими днями долго, открывая перед тобой острую необходимость человеческого служения добру...

Жить возле Семена Степановича, и возле этой природы, и возле Пушкина, незримой тенью участвующего во всех совершающихся здесь делах, — это и есть заражать жизнелюбием, трудолюбием, человеколюбием... Все тут действует на нас благотворно.

Трудно поверить, что Семен Степанович крепко вступил в девятый десяток. Он встает практически с зарей, в шесть утра, и сразу же садится к столу, словно сон ему прибавил мыслей и чувств, которые необходимо немедленно сообщить бу-

Теперь, когда программа по переустройству заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

Так вот саму идею о центре надо было сначала сделать общественно-понятной, приемлемой. Потом испросить на нее необходимые средства, хотя бы для начала на проект и привязку его. Все это отняло у Семена Степановича целое десятилетие.

И вот 2 июня будет у него, может быть, один из самых радостных дней — закладка памятного камня на месте будущего

заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

МИХАЙЛОВСКОЕ—МОСКВА.
Фото В. Ахломова.

УРОКИ В МИХАЙЛОВСКОМ

Арсений ЛАРИОНОВ

Теперь, когда программа по переустройству заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

Так вот саму идею о центре надо было сначала сделать общественно-понятной, приемлемой. Потом испросить на нее необходимые средства, хотя бы для начала на проект и привязку его. Все это отняло у Семена Степановича целое десятилетие.

И вот 2 июня будет у него, может быть, один из самых радостных дней — закладка памятного камня на месте будущего

заповедника, определенная до 1985 года двумя правительственными решениями (1969 и 1978 годов), почти выполнена, он решительно вступает в новую. За нее он настойчиво, самоотверженно боролся почти девять лет. Почему я употребил слово «самоотверженно»? Если первые две программы содержали восстановленные утраченного, то на сей раз речь идет о создании принципиально нового — научно-музейного центра при заповеднике. Такого центра в нашей стране пока нет, хотя о нем мечтали Ленин и Луначарский.

МИХАЙЛОВСКОЕ—МОСКВА.
Фото В. Ахломова.

Неделя, 1984, №22 (Семь)